

ВВЕДЕНИЕ

Представители социальных наук привыкли критиковать экономистов, которые, по их мнению, рисуют слишком упрощенные картины хозяйства и общества. Они преувеличивают роль рыночных отношений, сам рынок представляют слишком абстрактно, а действия людей сводят к бесхитростным схемам поведения homo oeconomicus. В этой критике много справедливого, но хотелось бы поставить вопрос иначе: чем критиковать других, не лучше ли попытаться выработать свое понимание, которое кажется более адекватным. Не тратить столько усилий на доказательства того, что традиционные экономические взгляды никуда не годятся, а предложить иную рамку рассуждений, позволяющую расширить угол нашего обзора, не впадая в то же время в грех беспорядочного описательства. А еще лучше: попытаться взять из экономической теории полезные элементы и использовать их для решения несколько иных задач.

На сегодняшний день серьезная альтернатива вполне может быть представлена экономической социологией — одним из ведущих и наиболее динамично развивающихся направлений в социальных науках¹. В обосновании и применении данного подхода и состоит конечная цель этой книги. В какой мере ее удалось достичь — судить взysкательному читателю.

О жанре книги. Ключевые ее разделы посвящены вопросам теории, но в то же время это не учебник, преследующий благородные просветительские цели (хотя систематизация существующих теорий здесь играет немаловажную роль). По нынешним временам это можно считать если не странностью, то не совсем обычным делом. Теоретические занятия нынче «не в моде». Мы все слишком поглощены злободневным, чтобы думать о теоретических парадигмах. Точнее было

¹ О специфике данного подхода см.: *Радаев В.В.* Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 3—14. См. также: *Экономическая социология.* 2002. Т. 3. № 3. С. 21—35 (публикация на сайте: <http://www.ecsoc.msses.ru/NewText.php>); *Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997. Гл. 4. С. 64—71; Гл. 5. С. 94—95 (http://www.ecsoc.ru/books_description_ru.php).

бы сказать, что мы привычно сетуем на дефицит теории и... продолжаем заниматься вещами более прикладного характера. Защищая ритуальными ссылками на объективные трудности, мы потихоньку откладываем теоретическую работу на лучшие времена (интуитивно понимая, что они едва ли наступят).

Не боясь настаивать на относительной самоценности теоретической работы, мы все же не считаем целесообразным замыкать теоретические конструкции на самих себя. В итоге все, что нами предлагается под рубрикой теории, мы рассматриваем в качестве исследовательских схем для эмпирического анализа. «Хорошая теория» — это не свод отвлеченных рассуждений и в то же время не простой слепок с реальной жизни. Это аналитический инструмент, с помощью которого мы пытаемся проникнуть вглубь явлений и увидеть чуть больше, чем лежит на поверхности. Такой инструмент содержит связную систему понятий, каждое из которых получает свое операциональное определение, готовое к соприкосновению с эмпирическим объектом². Изготовление инструмента порою кажется довольно нудным занятием, но торопливость хороша для политэкспертов, а не для исследователя.

Занимаясь теоретической работой, мы также не склонны вставать в горделивую позу методолога, указывающего направление «для новых исследований», которые будут проведены неизвестно кем и когда. Нам хочется сразу же попробовать «заточенные» инструменты на «теле» современных российских реалий, тем более, что пертурбации постсоветской России постоянно подбрасывают все новые занимательные объекты и не позволяют скучать при наличии хотя бы элементарного любопытства.

Исследовательская практика не всегда четко следует по пути, предписанному стандартным учебником по методологии и организации исследований. Это относится в сильной степени и к материалам данной книги, которые стеклись к нам двумя разными потоками: один из теории, другой из эмпирических наблюдений. Причем русла этих потоков почти не пересекались, и гарантий их пересечения никто бы не дал. С одной стороны, наполняя теоретические формы, мы старались черпать полезные элементы операциональных исследователь-

² О теориях как аналитических инструментах см.: *Падаев В.В.* Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках? // *Pro et contra*. 2000. Т. 5. № 3. С. 202—214 (<http://pubs.carnegie.ru/russian>).

ских схем, создававшихся нашими коллегами, многие из которых имеют весьма отдаленные представления о российском хозяйстве. С другой стороны, при организации наших собственных эмпирических исследований, о которых пойдет речь в данной книге, теоретические задачи вообще не ставились (по крайней мере, представителей бизнеса как основных заказчиков они вряд ли интересовали). Тем не менее в процессе работы такие пересечения (порою неожиданно) начинали обнаруживаться сплошь и рядом. Теоретические конструкции корректировались под влиянием обобщенных наблюдений, они вписывались в конкретные контексты, подкреплялись живыми иллюстрациями. В свою очередь, результаты эмпирических исследований во многом определялись характером используемых аналитических инструментов. И хотя специальная терминология в текстах интервью с участниками рынка и итоговых отчетах по их результатам, разумеется, отсутствовала, часто оказывалось, что описываемые действия участников рынка без труда укладываются в ложе теории. Наряду с этим, следует признать, что во многих случаях нам не удалось преодолеть разрыв между исследовательскими схемами и эмпирическим материалом. В этих случаях теоретические построения, увы, оставались недоиспользованными, а зафиксированные факты — недообъясненными.

От экономической социологии к социологии рынков. Поскольку проводимый нами экономико-социологический подход содержит в себе множество различных теоретических направлений, необходимо уточнить исходные позиции, сказав, что данная книга написана под сильным влиянием нового институционализма в его разных ипостасях. В первую очередь речь идет об американском новом институционализме в социологии, который вырос из теории организаций и позаимствовал многое из новой институциональной экономической теории (Д. Норт, О. Уильямсон). Следует упомянуть также французскую экономическую теорию конвенций (Л. Болтански, Л. Тевено), популярность которой возрастает по обе стороны Атлантики. Идеи старых институционалистов (Т. Веблена, Дж. Коммонса и др.) вызывают лишь исторический интерес. Куда более важную роль для нас играют ближайшие «соседи» нового институционализма — структурный и социокультурный подходы в самой экономической социологии. Из других родственных источников сошлемся на экономико-антропологическое направление, оживившееся в связи с ренессансом трудов К. Поланьи (подробнее см. первую и вторую главы данной книги).

Нужно отметить, что в экономической социологии к концу двадцатого столетия произошли значительные изменения³. Ранее ни индустриальные социологи 1930—1940-х гг., ни основатели «старой» функционалистской экономической социологии 1950—1960-х гг. (так называемой перспективы хозяйства и общества), ни их основные идейные оппоненты — неомарксисты 1970-х гг. — фактически не покушались на содержательные предметные области, оккупированные экономической теорией. В отличие от них возникшая в 1980-е гг. новая экономическая социология более активна, она пытается разобраться в содержательных предпосылках экономической теории и вести игру на ее собственном поле⁴. Отчасти это является ответной реакцией на процессы «экономического империализма» — вторжения экономистов в области, ранее занимаемые социологией и другими социальными дисциплинами. И хотя попытки ответного «социологического империализма» пока более значимы для самой социологии, это движение, на наш взгляд, имеет серьезные перспективы и подкрепляется появлением более «мягких» направлений в самой экономической теории.

Одним из основных объектов анализа сегодня бесспорно выступают современные рынки. И здесь мы сталкиваемся с известным парадоксом: рынок является одной из центральных категорий экономической теории, но при этом в ней ощущается явный дефицит субстантивного анализа реальных рынков⁵. Здесь отчетливо сохраняются

³ Подробнее о новых направлениях в современной экономической социологии см.: Радаев В.В. Основные направления развития современной экономической социологии // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3—18; Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 2. С. 13—35.

⁴ «Новая экономическая социология куда более склонна утверждать, что социологам есть что сказать о стандартных экономических процессах — такого, что дополнило бы, а в некоторых случаях и заместило бы положения экономической теории. Сегодняшние социологи, отчасти в силу меньшего преклонения перед стандартными экономическими доводами, более нацелены добраться до самого ядра экономической теории» (см. интервью М. Грановеттера в книге: Swedberg R. Economics and Sociology. Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 107).

⁵ «Очень странно, но экономическая литература... уделяет слишком мало внимания центральному институту, на котором базируется неоклассическая экономическая теория — рынку» (North D. Markets and Other Allocation Systems in History: The Challenge of Karl Polanyi // Journal of European Economic History.

незаполненные ниши, на одну из которых и претендует сравнительно молодая и активно развивающаяся отрасль — социология рынков, которая сегодня превращается, по существу, в ведущее направление экономико-социологических исследований. Без особого преувеличения можно сказать, что современная экономическая социология во многом формируется именно как социология рынков⁶.

К началу 2000-х гг. сформировался солидный корпус исследований, которые анализируют самые разные рынки. Х. Уайт предложил экономико-социологический вариант теории производственных рынков⁷. Предприняты небезуспешные попытки создания социологии рынка труда (М. Грановеттер, А. Каллеберг, А. Соренсен)⁸. Появились интересные исследования фондовых и фьючерсных рынков (М. Аболафия, У. Бейкер)⁹, рынка страхования жизни (В. Зелизер)¹⁰, реклам-

1977. Vol. 6. P. 710). «Весьма примечательно, что в экономической литературе не так легко найти какие-либо определения рынка, и содержательные обсуждения его институциональных трактовок чрезвычайно редки. Зато изобилуют математические модели рыночных явлений, и существует поистине огромная литература по теоретическим основаниям рыночного равновесия» (*Hodgson G.M. Economics and Evolution. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 172*).

⁶ Об этом развитии см.: *Lie J. Sociology of Markets // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. P. 341—360*.

⁷ *Уайт Х. Рынки и фирмы: размышления о перспективах экономической социологии // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. С. 96—118; White H.C. Where do Markets Come From? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. P. 517—547*.

⁸ *Granovetter M. The Sociological Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View // The Sociology of Economic Life / M. Granovetter, R. Swedberg (eds.) Boulder: Westview Press, 1992. P. 233—263; Sorensen A.B., Kalleberg A.L. An Outline of a Theory of the Matching of Persons to Jobs // Sociological Perspectives on Labor Markets / I. Berg (ed.). N. Y.: Academic Press, 1981. P. 49—74*.

⁹ *Abolafia M. Making Markets, Opportunism and Restraints on Wall Street. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1996; Baker W.E. The Social Structure of a National Securities Market // American Journal of Sociology. 1984. Vol. 89. № 4. P. 775—811; Baker W. Floor Trading and Crowd Dynamics // The Social Dynamics of Financial Markets / P.A. Adler, P. Adler (eds.). Greenwich: JAI Press, 1984*.

¹⁰ *Zelizer V. Human Values and the Market: The Case of Life Insurance and Death in 19th-century America // American Journal of Sociology 1978. Vol. 84. P. 591—610*.

ного рынка (У. Бейкер)¹¹, рынка биотехнологий (У. Пауэлл)¹². Развивается проблематика международных рынков, не впадающая при этом в абстрактные рассуждения о всеобщей глобализации (Г. Джерефи, А. Мартинелли, Н. Флигстин)¹³, компаративные исследования рынков в разных странах (Н. Биггарт, Р. Дор)¹⁴. Мы привели лишь некоторые примеры релевантных работ, перечень которых может быть еще продолжен. Ко многим из них мы еще вернемся в теоретических разделах данной книги.

Итак, рынки превращаются в основной объект экономико-социологического исследования. Не вторгаемся ли мы в чужую область, безраздельно принадлежащую экономической теории, не покушаемся ли на «святое»? По нашему мнению, в сегодняшних социальных и экономических науках границы объектов исследования крайне условны и размыты, они не закреплены жестко за отдельными дисциплинами. Монопольные притязания на исследование тех или иных хозяйственных объектов сегодня все труднее обосновать. Мы все чаще играем на одном и том же проблемном поле. Просто у нас разные игры — мы ставим перед собой разные типы задач и по-разному их решаем.

Эволюция исследовательского интереса. Понимая невозможность «объять необъятное», мы избрали в качестве основного объек-

¹¹ *Baker W.E., Faulkner R., Fisher G.* Hazards of the Market: the Continuity and Dissolution of Interorganizational Market Relationships // *American Sociological Review*. 1998. Vol. 63. April. P. 147—177.

¹² *Powell W., Brantley P.* Competitive Cooperation in Biotechnology: Learning through Networks? // *Networks and Organizations: Structure, Form, and Action* / N. Nohria, R. Eccles (eds.). Boston: Harvard Business School Press, 1992.

¹³ *Fligstein N., Mara-Drita I.* How to Make a Market: Reflections on the Attempts to Create a Single Market in the European Union // *American Journal of Sociology*. 1996. Vol. 102. № 1. July. P. 1—33; *Gereffi G.* The International Economy and Economic Development // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 206—233; *Martinelli A., Smelser N.* Economy and Society: Overviews in Economic Society. London: Sage, 1990. Part 3.

¹⁴ *Biggart N., Guillen M.* Developing Difference: Social Organization and the Rise of the Auto Industries of South Korea, Taiwan, Spain, and Argentina // *American Sociological Review*. 1999. Vol. 64. October. P. 722—747; *Dore R.* Stock Market Capitalism: Welfare Capitalism. Japan and Germany Versus the Anglo-Saxons. Oxford: Oxford University Press, 2000.

та изучения действия предпринимателей, оставив в стороне действия домохозяйств. В связи с этим интересно проследить, как эволюционировали исследовательские интересы в области изучения нового российского предпринимательства в реформенный период. Мы разделяем этот процесс на три основных этапа. На *первом этапе* (в начале 1990-х гг.) исследователей интересовали в первую очередь сами группы предпринимателей — их социально-демографические и профессиональные портреты, каналы рекрутирования, мотивы, по которым они пришли в бизнес и продолжали им заниматься, несмотря на всевозможные трудности и препоны¹⁵.

На *втором этапе*, во второй половине 1990-х гг., когда группы предпринимателей в основном сложились, интерес начинает смещаться в сторону анализа условий формирования рынков и тех трудностей, с которыми сталкиваются предприниматели при основании и развитии своих предприятий. В центре внимания оказались проблемы входа на рынок, преодоления административных и финансовых барьеров, поддержания контрактных отношений, защиты от посягательств со стороны органов государственной власти и силовых структур. Соответственно в число ключевых попали понятия транзакционных издержек и неформальной экономики¹⁶. Здесь также проявился

¹⁵ Радаев В.В. Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. 1993. № 9. С. 3—14; Гиммельсон В. Новое российское предпринимательство: источники формирования и стратегии социального действия // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 6. С. 31—42; Радаев В.В. Новое российское предпринимательство в оценках экспертов // Мир России. 1994. Т. 3. № 1. С. 36—54; Бунин И.М. и др. Бизнесмены России: 40 историй успеха. М.: ОКО, 1994; Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 3—12; Чепуренко А.Ю. и др. Малое предпринимательство в России: тенденции развития // Малое предпринимательство в контексте российских реформ и мирового опыта / Отв. ред. А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, 1995. С. 5—39; Radaev V. Emerging Russian Entrepreneurship as Viewed by the Experts // Economic and Industrial Democracy. Suppl. to 1993. Vol. 14. № 4. P. 55—77; Radaev V. Practicing and Potential Entrepreneurs in Russia // International Journal of Sociology. Fall 1997. Vol. 27. № 3. P. 15—21.

¹⁶ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998 (http://www.ecsoc.ru/books_description_ru.php); Радаев В.В. Российский бизнес: структура транзакционных издержек // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 5—19; Воздействие государственного и местного регулирования на предпринимательство. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998; Радаев В.В. Предпринимательство в регионе: состояние малого бизнеса / Региональный подход к промышленной реструкту-

повышенный интерес к судьбам малого бизнеса, связанный с временным всплеском активности в области политики его государственной поддержки¹⁷.

В начале 2000-х гг. мы вступили в *третий этап*, когда структурные и институциональные основания рынков оказались в целом сформированы. При этом на фоне экономического роста, сопровождающегося интенсивными структурными и институциональными трансформациями, главным объектом изучения становятся правила, которыми руководствуются основные участники рынков. Все больший интерес вызывает то, как формируются и изменяются эти правила¹⁸.

ризации в Томской области РФ. Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, 1998. С. 273—316; Частный бизнес: становление и развитие в регионах России. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998; Цыганов А. Предприниматель и власть: проблемы взаимодействия // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 97—103; Чепуренко А.Ю. и др. Малый бизнес после августа 1998 г.: проблемы, тенденции, адаптационные возможности // Осенний кризис 1998 года: Российское общество до и после / Ред. М.К. Горшков и др. М.: РНИСиНП: РОССПЭН, 1998. С. 177—183; Волков В.В. Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56—65; Radaev V. Corruption and Administrative Barriers for Russian Business // Political Corruption in Transition. A Sceptic's Handbook / S. Kotkin, A. Sajo (eds.). Budapest, N. Y.: Central European University Press, 2002. P. 287—311; Radaev V. Entrepreneurial Strategies and the Structure of Transaction Costs in Russian Business // The New Entrepreneurs of Europe and Asia: Patterns of Business Development in Russia, Eastern Europe and China / V. Bonnell, T. Gold (eds.). Armonk: M.E. Sharpe, 2001. P. 191—213.

¹⁷ Радаев В.В. Малый бизнес: поддержали и хватит // Эксперт. 2000. 25 сентября (№ 36). С. 12; Radaev V. The Development of Small Entrepreneurship in Russia // Small and Medium Enterprises in Transitional Economies / R.J. McIntyre, B. Dallago (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 114—133.

¹⁸ Капелюшников Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 138—156; Яковлев А. Почему в России возможен безрисковый уход от налогов? // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 142—144; Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4—25; Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. С. 157—209 (см. публикацию на сайте: <http://www.ecsoc.ru>); Радаев В. Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002. № 1. С. 68—87 или Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 42—62 (публикация на сайте: <http://www.ecsoc.msses.ru/NewText.php>).

Проводя вместе с коллегами опросы российских предпринимателей уже более десяти лет, мы сами следовали указанной логике. Изучив в свое время состав новых предпринимательских групп, а затем структуру транзакционных издержек и скрывающихся за ними контрактных и неконтрактных отношений, сегодня мы поворачиваемся к фундаментальному вопросу о том, как действуют и трансформируются современные рынки.

О структуре работы. Книга начинается с трех теоретических разделов. *Первый раздел* посвящен общим понятиям рынка и конкуренции. Здесь экономическим трактовкам рынка как некоей универсальной модели противопоставляется экономико-социологическое понимание рынка как формы хозяйства (первая глава). Далее анализируются основные теоретические подходы к анализу рынков, сложившиеся в современной экономической социологии в 1980—1990-х гг. — сетевой, новый институциональный и социокультурный (вторая глава). Наконец, раскрывается общее понятие конкуренции. Последняя характеризуется как социально укорененный процесс, включающий, помимо экономической состязательности, поддержание социальных контактов и согласованного порядка, ведение сложной культурно-символической борьбы (третья глава).

Во *втором разделе* рассматриваются основные структуры и институты рынка как формы хозяйства, которые выступают как его конституирующие элементы (соответственно четвертая и пятая главы).

В *третьем разделе* мы обращаемся к крайне сложной проблеме институциональной динамики. Поскольку исходным пунктом такой динамики для нас является социальное действие участников рынка, мы начинаем с раскрытия понятий деловой стратегии и концепций контроля (шестая глава). Далее наступает черед самой институциональной динамики, которая разделяется на два элемента. Первый связан с появлением, отбором и закреплением новых правил (седьмая глава). Второй элемент отражает частичные изменения, вызванные функционированием институтов, их приспособлением к практикам повседневной хозяйственной жизни (восьмая глава).

Начиная с *четвертого раздела*, мы переходим к эмпирической части книги. И вполне естественно прежде всего дается короткое описание источников эмпирических данных. Речь идет о трех проектах, последовательно реализованных исследовательской группой Государственного университета — Высшей школы экономики под руководством автора в 2001—2003 гг. в сотрудничестве с тремя новыми предпринимательскими ассоциациями — РАТЭК, АКОРТ и Русбренд.

В *пятом разделе* начинается изложение эмпирических результатов. Этот раздел посвящен анализу принципиально новой конкурентной ситуации, сложившейся в начале 2000-х гг. в сфере розничной торговли потребительскими товарами. Здесь раскрываются структурные элементы этой новой, довольно драматичной конкурентной ситуации, ведущей к быстрому и фундаментальному переделу рынка (десятая глава). Затем систематизируются деловые стратегии его ведущих участников в этой ситуации (одиннадцатая глава).

В фокусе самого большого, *шестого, раздела* книги — институциональная трансформация рынков. Здесь раскрываются внимание на одном из ключевых процессов институциональной динамики, развившихся в начале 2000-х гг., — постепенном выходе российского бизнеса из тени и возрастающем спросе на формальные институты. Рассматриваются причины легализации бизнеса (двенадцатая глава), неизбежные институциональные компромиссы, достигаемые на этом пути (тринадцатая глава), построение новых деловых конвенций между участниками рынка, а также между ними и представителями государственной власти (четырнадцатая глава), способы борьбы с некоторыми видами оппортунистического поведения (пятнадцатая глава).

Последний, *седьмой, раздел* касается экономической политики. Здесь анализируются процесс формирования новых деловых ассоциаций (шестнадцатая глава) и вырабатываемые ими принципы экономической политики (семнадцатая глава).

Все вопросы в эмпирических разделах рассматриваются нами преимущественно с позиций самих предпринимателей, многих из которых правомерно отнести к ведущим участникам соответствующих рынков. Однако в *заключении* ко всей книге мы встаем на позицию потребителей. И обращаем внимание на происходящую в настоящее время подлинную революцию на рынках потребительских товаров, которая коренным образом меняет облик не только продавца, но и покупателя, ломая привычные потребительские практики и затрагивая стили жизни все возрастающего числа людей.

Работа сопровождается *гlossарием*, в котором даны определения наиболее важных специальных терминов. Многие из них связаны с конвенциональными теоретическими понятиями, некоторые термины введены автором при разработке аналитических инструментов. Добавим, что часть применяемых нами терминов используется сегодня в реальном бизнесе. К ним относятся, например, термины «легализация», «схемы», «серый импорт», «параллельный ввоз». Порою

мы заимствовали их из дискурсивных практик участников рынка, что относится, кстати, и к термину «участники рынка».

Выражение благодарности. Данная книга (в первую очередь, ее эмпирические разделы) была бы невозможна без поддержки многих коллег. Мы благодарим за инициирование проектов и помощь в организации полевых исследований¹⁹:

- президента Института национального проекта «Общественный договор» А.А. Аузана (проекты 2001 и 2002 гг.);
- президента РАТЭК А.М. Пляцевого (проекты 2001 и 2002 гг.);
- исполнительного директора РАТЭК М.Б. Докадина (проекты 2001 и 2002 гг.);
- исполнительного директора АКОРТ А.Ю. Сазанова (проект 2002 г.);
- исполнительного директора Содружества Русбренд А. Линье (проект 2003 г.);
- представителя Содружества Русбренд А. Поповичева (проект 2003 г.);
- представителя компании «Жилетт» Г. Харченко (проект 2003 г.).

Мы также искренне благодарны всем руководителям компаний, которые уделили нам свое время, приняли участие в обследовании, а также предоставили чрезвычайно полезные аналитические материалы.

В реализации исследовательских проектов активно участвовали коллеги автора из ГУ ВШЭ:

- С.Ю. Барсукова (проекты 2001, 2002 и 2003 гг.),
- Т.П. Казанцева (проект 2001 г.),
- В.В. Карачаровский (проекты 2002 и 2003 гг.),
- З.В. Котельникова (проект 2003 г.).

Техническая помощь во всех проектах оказывалась Е.В. Надеждиной.

В процессе работы мы неоднократно обращались к опыту, накопленному в ходе предыдущих исследований, в первую очередь к результатам проекта о транзакционных издержках, выполненного автором в рамках Центра политических технологий в 1997—1998 гг.

¹⁹ Подробнее об этих проектах см. гл. 9 данной книги.

Однако эти материалы уже многократно публиковались²⁰, и в данной книге мы их не повторяем.

Результаты наших эмпирических исследований обсуждались на многих конференциях и семинарах, в том числе:

- I Всероссийский съезд РАТЭК (Москва, 26 октября 2001 г.);
- научный семинар Е.Г. Ясина (ГУ ВШЭ, Москва, 31 октября 2001 г.);
- международный симпозиум Интерцентра «Куда идет Россия?» (Москва, 18—19 января 2002 г.);
- международная конференция «Рыночная экономика в России: Ожидания и действительность» (ИМЭМО РАН, Москва, 16—18 апреля 2002 г.);
- ежегодная конференция Общества по развитию социэкономике, SASE (Миннеаполис, США, 26—30 июня 2002 г.);
- XV Всемирный конгресс по социологии (Брисбан, Австралия, 7—13 июля 2002 г.);
- международный семинар «Рынки и корпорации как социальные институты» (Белладжио, Италия, 29 июля—1 августа 2002 г.);
- семинары серии «Социология рынков» (ГУ ВШЭ, Москва, 29 сентября 2002 г. и 27 февраля 2003 г.);
- международный семинар «Неформальная экономика в постсоветском пространстве: возможности исследования и регулиро-

²⁰ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика; Радаев В.В. Российский бизнес: структура транзакционных издержек. С. 5—19; Радаев В.В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 35—60; Радаев В.В. Некоторые институциональные условия формирования российских рынков // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 57—85; Радаев В.В. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей // Мир России. 1998. № 3. С. 57—90; Radaev V. Entrepreneurial Strategies and the Structure of Transaction Costs in Russian Business. P. 191—213; Radaev V. Enterprise, protection et violence en Russie la fin des années 1990 // Le crime organisé en Russie: nouvelles approches, Cultures et Conflits. 2001. № 42. P. 47—68; Radaev V. Corruption and Violence in Russian Business in the Late 90s // Economic Crime in Russia / A. Ledeneva, M. Kurkchiyan (eds.). L.: Kluwer Law International, 2000. P. 63—82.

вания» (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, 31 октября—1 ноября 2002);

- семинар международного проекта по проблемам доверия (Коллегиум, Будапешт, Венгрия, 22—24 ноября 2002 г.);
- семинар ЦЭФИР (Москва, 19 марта 2003 г.);
- международная конференция «Модернизация экономики России» (ГУ ВШЭ, Москва, 4—6 апреля 2003 г.);
- семинар Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, 23 мая 2003 г.);
- круглый стол Центра стратегических разработок (Москва, 5 июня 2003 г.);
- международная конференция CEPR/WDI по переходным экономикам (Будапешт, Венгрия, 3—5 июля 2003 г.).

Мы благодарим всех коллег, принявших участие в этих обсуждениях. Для нас были особенно ценными комментарии, сделанные А.А. Аузаном, С.Ю. Барсуковой, А.В. Беляниным, М.В. Бутовой, В.Е. Гимпельсоном, Ф. Доббином, М.С. Добряковой, Я. Корнаи, Я.И. Кузьминовым, Н. Флигстином, А.А. Яковлевым, Е.Г. Ясиным.

Хочется выразить особую признательность уважаемым рецензентам В.Е. Гимпельсону и М.А. Сторчевому за их высокопрофессиональные замечания, которые способствовали серьезному улучшению данной работы.

Ряд материалов книги был подготовлен при финансовой поддержке Национального фонда подготовки кадров в составе проекта Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Раздел I

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ РЫНКА И КОНКУРЕНЦИИ

Прежде чем приступать к эмпирическим исследованиям того или иного рынка, необходимо выработать концептуальный подход и выбрать надлежащие аналитические инструменты. Поэтому сначала мы обратимся к теории. В первых двух главах рассмотрим общее понятие рынка, в третьей главе — понятие конкуренции. Основное внимание будет уделено экономико-социологическим подходам к раскрытию этих понятий.

РЫНОК КАК ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ФОРМА ХОЗЯЙСТВА

В данной главе мы начнем с общих определений рынка, а затем приступим к изложению основных подходов к его анализу с акцентом на разработки современной экономической социологии. Это изложение продолжится также во второй главе.

Общие определения

За годы посткоммунистических реформ представители социальных наук научились свободно оперировать понятием рынка, постоянно противопоставляя «рыночное» и «нерыночное» поведение, выделяя «рыночные» и «нерыночные» сектора хозяйства. При этом вопрос о том, что такое «рынок», чаще всего не возникает, ответ кажется самоочевидным. Между тем следует признать, что на сегодняшний день мы достаточно далеки от единого понимания рынка. Подходы к его определению сильно различаются, и в результате практически каждому из нас в зависимости от контекста случается называть «рынком» принципиально разные явления. Поэтому для начала попробуем разобраться в определениях, используя одну из имеющихся многочисленных классификаций. Ее автор, представитель французской регуляционистской школы Р. Бойе, указывает на существование, как минимум, пяти различных концепций рынка¹.

1. Рынок — это место, где регулярно встречаются продавцы и покупатели и организуется процесс торговли. Таково наиболее старое, пространственно детерминированное понятие рынка. Оно сформировалось еще в XII в., но живо и сегодня. Например, в обыденной речи мы по-прежнему называем так «открытые рынки», подразумевая места организации так называемой «внемагазинной торговли». Добавим, что такие места

¹ *Boyer R. The Variety and Unequal Performance of Really Existing Markets: Farewell to Doctor Pangloss // Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions / J.R. Hollingsworth, R. Boyer (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 62—65.*

могут быть постоянными и временными, регулируемые и стихийно организованными — сути определения это не меняет.

2. Рынок есть определенная территория, на которой происходят акты купли-продажи. Это более широкое, «географическое» определение, которое привязывает понятие рынка к определенным городам, странам, территориям, континентам. Например, мы говорим: «российский рынок», «европейский рынок».
3. Рынок — это суммарный платежеспособный спрос, предъявляемый на определенный вид продуктов и услуг. Данное понимание рынка обозначает уже не территорию, а совокупность потребителей того или иного товара². В этом случае, говоря о тех или иных рынках, мы имеем в виду спрос — на труд, на акции, на потребительские товары и т.п.
4. Рынок представляет собой саморегулирующийся механизм спроса и предложения. Здесь хозяйственные агенты сами решают, что производить и по какой цене продавать. Иными словами, рынок характеризуется как сфера, где доминируют конкуренция между независимыми агентами и свободное ценообразование³. В этом определении исчезает всякая пространственная, временная или предметная локализация, их место занимает модель, фиксирующая условия, при которых достигается рыночное равновесие.
5. Рынок — это экономическая система, в которой саморегулирующийся рыночный механизм является господствующей формой хозяйства. В данном случае рыночные принципы хозяйственной организации вменяются целым сообществам, именуемым «рыночными обществами».

В настоящее время все эти трактовки понятия «рынок» в той или иной мере сосуществуют в академической терминологии и обыденной речи. Наряду с трактовкой рынка как «территории обмена» используется его понятие как *формы хозяйства*, уже не столь привязанное к определенному месту. А рядом с ними располагается нео-

² Подобная позиция характерна, например, для классического маркетинга (Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Дж., Вонг В. Основы маркетинга. М.: Вильямс, 1998. С. 28).

³ Swedberg R. Markets as Structures // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press. 1994. P. 257—260.

классическая экономическая концепция «идеального рынка», в которой обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. В последнем случае рынок предстает как механизм спроса и предложения, который действует в любых территориальных или отраслевых контурах. Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции. Таким образом, рынок превращается из эмпирического объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями. При этом всякого рода социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования.

В 1960—1970-е гг. этой «очищенной от лишних примесей» модели был придан фактически универсальный характер. С ее помощью стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависимости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества⁴. Проводники «экономического империализма» в лице Г. Беккера и его последователей начали активно использовать данную модель и за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании⁵. Возникли понятия брачного рынка, спроса на детей и т.п.⁶ Теоретики общественного выбора начали трактовать политику как рыночный обмен⁷. Иными словами, принципы, исполь-

⁴ Радаев В.В. Рынок как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 28—37.

⁵ Об экономическом империализме см.: Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / Социологические чтения. Вып. 2. М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. С. 177—189.

⁶ Приведем характерное высказывание Г. Беккера: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить свое благосостояние путем взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния» (Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101. P. 395—396). См. также: Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 12—36; Шульц Т. Ценность детей // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 37—49.

⁷ Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Т. 1. М.: Таурус-Альфа, 1997. С. 22—23.

зубые при анализе рыночного обмена, стали распространяться на другие сферы общественной жизни. Сформировалась своего рода *рыночная идеология*, подпитываемая духом экономического либерализма. Жизнь начала уподобляться рынку, представленному в виде достаточно абстрактной конструкции.

Сегодня перед нами возникает серьезная методологическая альтернатива: рассматриваем ли мы рынок прежде всего как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или нашим объектом выступают «реальные» рынки, т.е. эмпирически наблюдаемые формы хозяйства, для описания которых мы используем разные аналитические модели с большим общим числом переменных.

Мы тяготеем ко второму, эмпирически ориентированному варианту. При этом вполне осознаем, что при использовании любых (в том числе описательных) подходов понятие рынка остается аналитическим инструментом. И нелепо отрицать, что любая модель предполагает абстрагирование от множества факторов. А возможность изучения рынков лишь на основе «сбора фактов» — вредная иллюзия. Однако вопрос состоит в том, *от чего* мы абстрагируемся. Нам трудно смириться с пониманием социальных факторов как чисто экзогенных переменных или, того хуже, инвариантных признаков и, тем более, с простым отбрасыванием их как своего рода досадного недоразумения, о котором вспоминают лишь при необходимости объяснения очередных сбоев того или иного рынка (market failures).

Какие элементы образуют, на наш взгляд, любой рынок, и что тем самым отличает одни рынки от других? В их состав входят следующие параметры:

- состав участников рынка (продавцов и покупателей);
- состав производимых и обмениваемых товаров (товарной группы);
- структурные элементы, выражающие устойчивые формы организации и связи между участниками рынка;
- институциональные элементы (формальные и неформальные), ограничивающие и стимулирующие поведение участников рынка;
- концепции контроля, регулирующие формирование деловых стратегий участников рынка.

Значение всех этих элементов будет подробно раскрыто во втором и третьем разделах книги. А пока соберем их воедино, чтобы получить следующее концептуальное определение: *рынок представляет собой совокупность структурно связанных продавцов и покупателей определенного товара (товарной группы), деятельность которых регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля.*

Мы осознаем, что проведение границ между теми или иными рынками на основе данного концептуального определения сопряжено с массой условностей. Так, сегодня не легко четко обособить товар или товарную группу, включающую сходные виды товаров, ибо на рынках предлагаются не отдельные потребительские объекты, а скорее системы взаимосвязанных и сопутствующих потребительских объектов. Деятельность производителей и продавцов в сильной степени диверсифицирована, отраслевые границы становятся все более прозрачными, в результате чего рынки разных товаров оказываются тесно переплетенными. Состав участников рынка и способы их организации также могут быть весьма подвижными, а институциональные формы регулирования сделок — закрытыми, непрозрачными. Наконец, в рамках одного рынка могут конкурировать разные концепции контроля. Тем не менее мы полагаем, что данное определение достаточно операционально, что мы попытаемся показать в последующих разделах книги.

В дальнейшем анализе мы оставим за кадром базовые условия существования рынка, формирующие спрос и предложение⁸ (что для многих экономистов покажется странным). Мы также не столь сильно интересуемся ценовыми сигналами, порождаемыми взаимодействием спроса и предложения. Нас заботят в первую очередь структурные и институциональные элементы рынка, а также их связь с действиями его участников⁹.

Итак, передовой империалистический «дивизион» корпорации экономистов захватывает все новые социальные объекты и предлагает рассматривать их как виды рыночного обмена, определяемого набором достаточно универсальных и асоциальных предпосылок. Такой

⁸ Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 4—6.

⁹ «В кратком определении рынок суть организованный и институционализированный обмен» (Hodgson G.M. Economics and Evolution. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 174).

подход вполне правомерен. Однако мы предлагаем поставить проблему иначе и рассматривать разнообразные виды рынков как социальные конструкты. Это означает, во-первых, что рынок представляет собой *одну из* специфических форм хозяйства, существующую наряду с другими его формами, которые ничуть не менее ущербны. Во-вторых, он выступает как продукт государственного и социального регулирования, что порождает широкое разнообразие рыночных форм хозяйства. В-третьих, рынок рассматривается как социально укорененная форма хозяйства, что означает его встроенность в сетевые, институциональные и социокультурные отношения, утвердившиеся в данном сообществе в определенный исторический период.

Таким образом, мы собираемся взглянуть на проблему с точки зрения социологии рынков как направления современной экономической социологии. В рамках данного направления мы выделим следующие подходы:

- историко-антропологический,
- политико-экономический,
- структурный (сетевой),
- неоинституциональный,
- социокультурный.

Первые два подхода будут рассмотрены в данной главе, остальные — во второй главе.

Рынок как историческая форма интеграции хозяйства

Экономисты широко используют деление экономических систем на традиционную, плановую и рыночную. Попробуем развить эту типологию, используя подход К. Поланьи. По его мнению, обмен — лишь одна из трех основных форм интеграции хозяйства, наряду с перераспределением и реципрокностью (взаимностью)¹⁰. При этом не стоит отождествлять всякий обмен с рыночным обменом. Последний предполагает неперемное существование ценообразующих рынков (*price-making markets*), где цены устанавливаются в процессе торга. Эта форма обмена отнюдь не универсальна, ибо в действительности такой торг происходит далеко не всегда. В истории существует

¹⁰ *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62—73 (см. также публикацию на сайте: <http://www.ecsoc.msses.ru/Transl.php>).

масса способов обмена (в том числе денежного), осуществляемых при отсутствии ценообразующих рынков. Обмен в этих случаях производится по фиксированным ставкам, и свобода в установлении цен серьезным образом ограничена. Так, М. Вебер¹¹ указывал на следующие ограничения свободы рыночного обмена, регулярно возникавшие на протяжении истории:

- определенные объекты выводились из сферы рыночных сделок — в принципе или на некоторое время;
- некоторые сословные группы исключались из рыночного обмена в целом или из обмена специфическими товарами;
- накладывались ограничения на потребление определенных товаров (особенно в периоды голода или войны);
- ограничивалась конкуренция в интересах профессиональных цехов и торговых гильдий;
- поддерживалась монополия политической власти.

В итоге рыночная экономика на протяжении большей части истории играла подчиненную, вспомогательную роль.

С XIX столетия роль рыночной формы хозяйства заметно возрастает. Произошло объединение ранее изолированных рынков в мировую (глобальную) систему «саморегулирующихся рынков». Однако и это не привело к безраздельному господству рыночной экономики. И хотя почти не осталось областей, не затронутых влиянием рынка, сохраняются обширные сектора хозяйства, которые лишь в весьма ограниченной степени вовлекаются в рыночные отношения. К ним в той или иной мере относятся:

- государственный сектор, который во многом регулируется иными принципами, нежели достижение прибыли;
- сектор некоммерческих организаций, остающийся в сильной степени неподвластным коммерческим расчетам;
- внутренние рынки крупных корпораций, в которых выстраиваются свои системы административных стандартов и неявных контрактов;

¹¹ *Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1. P. 84.* Интересно, что, например, первый современный рынок капитала в Англии был организован по партийному принципу, в соответствии с которым доступ к ресурсам обеспечивался только лицам, принадлежащим к одной или близким партиям (*Carruthers B. City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1996*).

- домашние хозяйства, большинство из которых не стремится к товаризации и коммерциализации внутренних отношений.

Примеры крупномасштабной организации нерыночного обмена прекрасно известны из опыта советского планового хозяйства¹². Да и в современном рыночном хозяйстве масса обменов совершается по фиксированным ставкам без какого-то бы ни было торга¹³. И дело не в том, что экспансивные рыночные отношения пока недостаточно развиты и потому не охватили все сферы общественной жизни. Само общество ставит ограничения развитию рынка.

Это лучше всего прослеживается на примере так называемых *фиктивных товаров*. В своей наиболее известной книге «Великая трансформация» К. Поланьи показывает, что развитие рыночной экономики связано с превращением в товары самых разных объектов, которые ранее товарами не являлись. И на этой основе возникает тенденция к формированию «рыночного общества». Однако образование подобного общества в итоге оказывается невозможным, ибо, по его мнению, ключевые хозяйственные ресурсы — земля, труд и деньги — не могут превратиться в товар. Эти объекты по своей природе противятся товаризации (коммодификации), даже если и вовлекаются в рыночный оборот. Во-первых, возникают ограничения морального толка. Люди сопротивляются превращению в товар этих объектов, ибо им кажется, что это противоречит сложившемуся порядку, который они воспринимают как «естественный»: ведь земля связана с природными основаниями жизни человека, а труд есть прямое продолжение и реализация его способностей. Во-вторых, указанные объ-

¹² Эту форму хозяйства пытались представить (в духе Я. Корнаи) с помощью концепции «бюрократических рынков». Однако при всей ее плодотворности понятие рынка здесь остается в кавычках, указывая на альтернативный характер обменных и распределительных отношений (Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: НП "Редакция журнала «Вопросы экономики», 2000. С. 272).

¹³ Это прекрасно осознается и самими экономистами: «Хотя у ценовой системы множество достоинств, возможности ее отнюдь не беспредельны. Есть случаи, когда она просто не работает, и, как бы хороша она ни была в определенных сферах, она не может быть единственным и непререкаемым арбитром всей общественной жизни... Ценовая система при всех ее достоинствах есть лишь одна из возможных форм организации торга, даже в условиях частной собственности» (Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 55, 58).

екты не могут свободно обращаться на рынках без серьезного регулирующего вмешательства государства, без поддержки которого невозможно существование ни денежных, ни земельных, ни трудовых отношений¹⁴. В итоге земля, труд и деньги становятся фиктивными товарами.

Что происходит при активном «продавливании» рыночных отношений? Нарастающие попытки превратить указанные товарные фикции в реальность порождают сопротивление в ткани всего общества. Оно вырабатывает защитный панцирь из культурных норм, который предохраняет его не только от провалов свободного, саморегулирующегося рынка, но и от чрезмерного развития рыночных отношений. Причем речь идет не о каких-то узких экстремистских группах, но о достаточно широких противоборствующих общественных движениях — организованных и неорганизованных.

Именно этим сопротивлением Поланьи объясняет появление и приход к власти фашизма в Германии в 1930-х гг.¹⁵ Фашизм выступает как реакция на неудачи и перекосы в формировании саморегулирующейся рыночной экономики, приведшие к обратному результату — серьезному ограничению рыночных свобод, наряду с либеральными и демократическими свободами. По существу, Поланьи удалось предсказать и появление антиглобалистского движения, начавшегося с массовых выступлений в 1999 г. в Сиэтле и в 2000 г. в Праге, — этого полустихийного противодействия усилению господства саморегулирующегося рынка в международном масштабе. И трагические события, произошедшие 11 сентября 2001 г. в США, с этой точки зрения тоже выглядят звеньями одной длинной цепи. Не случайно в качестве объекта для террористической атаки были избраны здания, которые являлись символом рыночного глобализма. При недостатке или неэффективности ограничительных мер развитие рыночных отношений способно порождать негативные побочные эффекты (экстерналии), несущие в себе опасные элементы са-

¹⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002; Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 10—17.

¹⁵ «Чтобы понять германский фашизм, мы должны вернуться в рикардианскую Англию» (Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. С. 42).

моразрушения, в том числе и для самого рынка. Поэтому рынок изначально нуждается в регулировании.

Рынок как продукт регулирования

Многие приверженцы неоклассической экономической теории вполне искренне убеждены в том, что при снятии внешних ограничений происходит стихийное возникновение рынков как наиболее эффективного способа распределения ресурсов. Социология рынков утверждает нечто прямо противоположное: фактически на всем протяжении человеческой истории развитие рынков происходило не вследствие отказа от регулирования, но, напротив, во многом порождалось этим регулированием — со стороны агентов, которые следуют в том числе и «нерыночной» логике.

Здесь исторический подход самым тесным образом связан с политико-экономическим подходом, для которого важнейшее значение имеет изучение роли *государства*¹⁶. Известно, что исторически большинство рынков складывалось не помимо и вопреки, а при его прямой поддержке. Причем это относится отнюдь не только к примитивным обществам. Современный рынок также, в принципе, не автономен от действий государства¹⁷. В любом сообществе оно оказывает серьезное воздействие на формирование рынка. И практически все крупные реформы в истории самых разных хозяйств во многом инициировались государством, проводились в устанавливаемых

¹⁶ Мы имеем в виду не какую-то отдельную политико-экономическую школу, а скорее общее направление, ставящее во главу угла взаимосвязь экономических и политических факторов (об этом см.: *Радаев В.В.* Есть ли перспектива у российской политической экономики // *Российский экономический журнал*. 1998. № 9—10. С. 74—78).

¹⁷ «Автономный рынок не «возникает»; он конструируется в процессе утверждения политической и государственной власти... Исторически мы не сможем понять функционирования и развития рынков без признания того, в какой степени они были сформированы фискальными интересами государства и формами легитимации государственной власти, которые, в свою очередь, находились под воздействием международной гонки вооружений» (*Friedland R., Robertson A.F.* Beyond the Marketplace // *Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society* / R. Friedland, A.F. Robertson (eds.). N. Y.: Aldine de Gruyter, 1990. P. 7, 11).

им формах, определялись его фискальными и милитаристскими интересами¹⁸.

Какие функции реализует государство в отношении рынков? Этими функциями являются:

- поддержание формального порядка через осуществление монопольного права на легитимное насилие в пределах данной территории;
- утверждение формальных правил, в рамках которых осуществляется хозяйственная деятельность;
- перераспределение ресурсов и доходов в целях производства общественных благ;
- производство частных и общественных благ путем прямого участия в хозяйственной деятельности.

Возникает соблазн представить государство как субъект обмена, подобного рыночному обмену. Например, сказать, что государство обменивает предоставляемые им услуги по защите от насилия на право собирать налоги. Но такая редукция действий государства к обычным обменным отношениям порождает серьезные искажения. Ибо позиции агентов государства и негосударственных хозяйственных агентов принципиально неравновесны. Во-первых, представители власти, как правило, занимают *монопольные* позиции. Причем этот монополизм не имеет принципиальной связи с преимуществами в эффективности¹⁹. Во-вторых, в отличие от экономической монополии (когда ты можешь купить определенный товар только у одного продавца или не купишь его вовсе), монополия государства имеет иную природу. Государство предлагает услуги, от которых нельзя отказаться (по крайней мере, нельзя сделать это открыто, оставаясь в юрисдикции данного государства). Отказ от их «покупки» влечет за собою санкции неэкономического толка — продавец не переключается на другого покупателя, а наказывает покупателя за отказ от «обмена».

¹⁸ Об этой позиции применительно к российской истории см.: Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. 1995. Т. 4. № 1. С. 159—179.

¹⁹ Между государственными органами может возникать конкуренция — например конкуренция силовых органов за крупных плательщиков (или, наоборот, неплательщиков) налогов. Однако такая конкуренция является не имманентным признаком государственной власти, а скорее свидетельством ее размывания.

Добавим, что государство — это не какой-то монолит, оно имеет сложную структуру: его представители руководствуются самыми разными мотивами, многие из которых далеки от стремления к наилучшему соотношению экономических издержек и выгод. С одной стороны, представители государства призваны проводить долгосрочные национальные интересы, выходящие за рамки сиюминутной экономической выгоды. С другой стороны, они непрестанно заботятся о реализации собственных эгоистических интересов — воспроизводстве своих властных позиций и извлечении бюрократической ренты²⁰.

Хотя на уровне общих утверждений серьезную роль государства в рыночных процессах практически никто не оспаривает, характер фактической и желаемой связи государства и рынка видится очень по-разному. Здесь существуют две крайние точки зрения. Одной из крайностей является либеральная модель государства как «ночного сторожа». Она предполагает, что государство минимально вмешивается в рыночные процессы, выступая в качестве внешнего арбитра, следящего за тем, чтобы хозяйственные агенты соблюдали установленные правила.

Другая крайность представлена социалистической моделью государства как «единого народнохозяйственного центра», который задает сверху основные хозяйственные параметры и осуществляет централизованное перераспределение решающей части ресурсов и получаемых доходов.

Наша позиция занимает промежуточное положение. Представляется, что государство выступает как *конфигуратор рынка*. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идет не просто о весомер, но о конституирующем влиянии государства на совокупность рынков — посредством установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и прямого участия в хозяйственных процессах²¹. Государство не просто вмешивается в рыночные отношения. Оно создает условия для возникновения и развития рынков, являясь во многом внут-

²⁰ Радаев В.В. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей // Мир России. 1998. № 3. С. 57—90.

²¹ Block F. The Role of the State in the Economy // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). P. 696.

ренным элементом процесса их формирования и трансформации, действующим на началах встроенной автономии (*embedded autonomy*)²².

Далее важно подчеркнуть, что речь идет не только о государственном регулировании (которым зачастую и ограничиваются все рассуждения), но и о более широком *социальном регулировании* рыночных процессов. Вновь обратимся к фрагменту классического наследия М. Вебера²³, который указывал, что рынок может регулироваться следующими способами:

- традициями, в соответствии с которыми акторы привыкают к заданным ограничениям;
- конвенциями, которые поддерживаются социальными нормами в отношении использования определенных объектов в процессе купли-продажи и вовлечения тех или иных социальных групп в данный процесс;
- законодательными актами, регулирующими процессы конкуренции и ценообразования;
- заинтересованными действиями других агентов.

Таким образом, рыночная свобода ограничивается отнюдь не только свободой других эгоистически настроенных хозяйственных агентов. Социальное регулирование не сводится к взаимному сдерживанию противостоящих экономических интересов. А хозяйственные операции совершаются и по иным соображениям, нежели извлечение непосредственной выгоды.

В других работах нами уже было показано, что хозяйственные мотивы (внутренние побуждения к действию) определяются не одной только калькуляцией издержек и выгод, но проистекают из трех относительно разнородных источников: экономического интереса, принуждения и социальных норм²⁴. Вырастающая из этих источников

²² *Evans P.B.* Embedded Autonomy. Berkeley: University of California Press, 1995. Пользуясь метафорами А. Шляйфера и его соавторов, либеральной модели государства как «невидимой руки» (*invisible hand*) и его социалистической модели как «грабщей руки» (*grabbing hand*) противопоставляется модель государства как «помогающей руки» (*helping hand*) (*Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 1997. Vol. 87. № 2. P. 354—358; *Shleifer A., Vishny R.* The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures. Cambridge: Harvard University Press, 1998).

²³ *Weber M.* Economy and Society. Vol. 1. P. 82—83.

²⁴ *Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс. 1997. Гл. 4.

совокупность мотивов весьма разнообразна. Еще К. Поланьи, опираясь на обильный исторический материал, отмечал среди них: обычаи и традиции, общественный долг и частную приверженность, религиозные пристрастия и политические альянсы, юридические обязательства и административное регулирование, заботу о собственном статусе и эстетические наклонности. Причем мы обращали внимание на то, что вопреки традиционному экономическому представлению об устойчивости предпочтений эти мотивы невозможно ранжировать каким-то единым устойчивым образом. И даже нельзя утверждать, что такие сильные побуждения, как мотивы выгоды или голода, заведомо приоритетны.

В результате применения историко-антропологического и политико-экономического подходов рынки предстают как продукт сложной *констелляции специфических регулятивных факторов*. Нужно сказать, что современная экономическая социология в целом принимает эти выводы и пытается идти дальше. В каких направлениях она движется, мы увидим во второй главе.

Резюме

Социология рынков как часть экономической социологии определяет хозяйство как совокупность рыночных и нерыночных форм хозяйства, конституируемых совокупностью структур и институтов. Наша позиция состоит в том, что, во-первых, ценообразующие рынки не являются универсальной формой хозяйства; существует множество хозяйственных секторов, которые интегрируются иными способами. Во-вторых, рынки не автономны от других сфер общества, и их участники руководствуются отнюдь не только узкоэкономической логикой. В-третьих, любой рынок является продуктом регулирования со стороны государства и социальных институтов, которые не просто влияют, но конституируют данный рынок.

Добавим, что все эти элементы в той или иной степени рассматриваются экономистами. Раскрытие специфики экономико-социологического подхода к понятию рынка будет нами продолжено в следующей главе.